

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

К Н И Г И

Франка Тилье

Серия «Шарко/Энебель»

Адский поезд для Красного Ангела

Комната мертвых

Медовый траур

Фантомная память

Синдром Е

GATACA, или Проект «Феникс»

Атомка

Страх

Пандемия

Шарко

Лука, или Темное бессмертие

Лес теней

Лента Мёбиуса

Переломы

Головокружение

Головоломка

Сновидение

Последняя рукопись

•

Иллюзия смерти

ФРАНК ТИЛЬЕ

ЛЕС ТЕНЕЙ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

*Моему далекому ангелу на небесах,
который повсюду со мной...*

Ни шелеста крыльев, ни ветра, ни птичьего пения.
Лишь ночь и бесшумного пульса биение.

Эжен Гийевик. Сфера

1

Женщина в гневе разбила тест на беременность о балку.

Две полоски. Ее мир рушился на глазах.

Она бродила по чердаку, опустив голову, ступая босиком по занозистому полу. Что кровь... Разве это боль... Ее предали.

Под черепичной крышей гудел ветер; от его порывов пламя свечей вытягивалось в ниточку, дрожало и гасло. Сквозняк трепал на старом деревянном столе надушенное, изрезанное ножницами письмо. Любовное письмо. Шестьдесят третье по счету написанное ею. Этого письма он никогда не получит. Только не после нанесенной обиды. Нет, нет, никогда!

Взгляд снова упал на тест, и ярость ее удвоилась.

Чердак наполнял шелест крыльев. Внизу, на первом этаже, билась в клетке голубка. Не пройдет и часа, как птица умрет из-за нехватки воздуха. За окном проносились ночные тени, на окнах застывали прозрачные снежинки изморози.

Черные точки зрачков какое-то время следили за движением облаков. Вдалеке темнели жилые массивы... Руан.

Женщина сжала кулаки. Ее лицо было искажено, на нем читалось то, что свойственно каждому из нас, — все мы хищники. Когда нервозность и нетерпение немного спали, она устроилась за столом и судорожно написала на чистом листе:

Ты слепец. Она тебя использует. Одного ребенка, значит, не хватало? Повторить надо было? Зачем? Чтобы различить нас? Не поддавайся. Мы с тобой одной крови, и никто тут ничего поделатать не может, даже она.

Ее худые пальцы опять задрожали. Буквы прыгали со строчки на строчку, как стрелка сломанного сейсмографа.

Она царапнула ногтями по столешнице и коснулась дула револьвера.

*Не знаю, буду ли я писать тебе еще.
Ты не на высоте. Считай мое молчание наказанием.
Теперь моя очередь заставлять страдать. Игнорируя тебя.*

Мисс Хайд¹

Ручка полетела в стену. Она небрежно запечатала письмо, потом бросила конверт на дно коробки, слишком большой для столь незначительной горстки слов.

Чего-то не хватало.

¹ Аллюзия на повесть шотландского писателя Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886). Главная идея повести заключается в том, что мистер Хайд, совершающий ужасные злодеяния, на самом деле является доктором Джекилом, в котором в ходе его научного эксперимента злое начало получило власть над добрым. (Здесь и далее — примеч. перев.)

Голубки, купленной в зоомагазине.

Женщина поспешила на первый этаж, в бешенстве сжимая птицу мира в руках. Чтобы пройти по анфиладе комнат, не нужно было открывать ни одной двери, все их она сняла с петель, методично, одну за другой.

Она тенью скользнула у зеркала, потом вернулась на чердак, пятясь, оставляя за собой кровавые следы от израненных ног.

Пристально посмотрела на секундную стрелку наручных часов и поднесла птицу к глазам.

— Если моргнешь семь, нет, восемь раз за десять секунд, значит Давид меня безумно любит. Семь раз — любит, но... Меньше шести не моргай, ясно тебе?

И она стала считать, все сильнее сжимая бедную птицу.

Жалобный писк разнесся по всему дому.

— Моргай же, черт тебя подери!

Птица дернулась и затихла.

Женщина проиграла и начала искать оправдания. Это пари не считается, час назад она заключила такое же и тоже проиграла. Два раза подряд пари заключать нельзя! Вот именно! Она посмотрела в зеркало. За ней на стене висела фотография, вырезанная из газеты и увеличенная в человеческий рост, — Давид... Вблизи качество печати было ужасным, несмотря на компьютерную обработку каждого пикселя его лица, но издавека, если приглушить свет... ей казалось, что Давид обнимает ее. Она часто часами сидела в трансе перед этой фотографией и размышляла о них. Они отлично подходили друг другу. Если бы не его чертова жена...

Она постоянно думала о них. В постели, в ванной и даже в театре — роли, которые она играла, напоминали ей о нем. Давид осветил ее жизнь, как и многие другие, что были до него. Но те, другие, ушли в небытие. Он же... Он был другим. Хорошим, образованным и умным. Он писал ей так тонко, так трогательно! Он любил ее. Он по-настоящему ее любил.

Неожиданно она смягчилась и чуть не простила его и не порвала письмо. Быть может, он и в самом деле обрюхатил эту дуру еще до того, как они познакомились с ним в Сети. Разве мог он тогда знать?

Ее пальцы больше не дрожали. Все хорошо. Да. Спокойствие. Просто надо отдышаться.

Перед ней — зеркало. Давид, Давид, Давид, ты здесь, ты совсем близко.

Наверное, нужно наконец увидеться с ним. Поехать в Париж и не прятаться на этот раз. Утонуть в глубине его глаз. Почувствовать, как его руки ласкают ее...

Она тряхнула головой и сжала зубы. Ничего этого не должно было произойти. Завтра с утра пораньше она снова отправится в столицу. И приподнесет сюрприз Давиду и Кэти Миллер.

2

Ранним утром Давид Миллер деликатно приподнял ночную рубашку Маргариты — дамы втрое старше его. Он не был с ней знаком, и это прикосновение стало их первым и последним контактом. Позже Давид исчезнет в январском холоде так же, как и появился. Два часа идеального общения. В животе и смерти...

Маргарита лежала в собственной кровати, от нее приятно пахло одеколоном. Ее муж находился чуть в отдалении здесь же, в этой узенькой комнате, и грустно наблюдал за ней и Давидом с фотокарточки. Он тоже был значительно моложе своей супруги. Хотя... Эти пожелтевшие фото явно были сделаны не вчера... Давид осматривал тело покойной и одновременно надевал перчатки и белую медицинскую блузу поверх своего темного костюма. Он не обнаружил ни следов катетера, ни пролежней. Трупное пятно на левом ухе исчезло, стоило лишь нажать на него пальцем. Температура тела была еще достаточной и предвещала легкую работу. Тем лучше. В отличие от Жизели, коллеги Давида, которая обожала работать скальпелем,

он ненавидел осложнения, особенно с покойниками, которых осматривал в самом начале дня.

Он провел дезинфекцию носа, рта, затем закрыл покойнице веки и рот. Самой большой сложностью в его профессии было придать мертвому лицу правильную улыбку. Не натянутую, не через силу. И этой улыбкой подвести итог всей жизни умершей женщины. Это не просто, даже после семи лет работы и почти пяти тысяч трупов, прошедших через руки Давида.

Теперь надо было заняться тем, о чем он никогда никому не рассказывал.

Он провел горизонтальную линию скальпелем по горлу, одним верным движением пальцев сумел вытащить сонную артерию и яремную вену. Через одно отверстие он введет консервант, другое послужит выходом для выступающей жидкости. Он вычистит, промоет, отпустит грехи.

С опытом Давид научился делать одновременно несколько дел, тем самым выгадывая пару свободных часов, чтобы за день успеть подготовить к погребению несколько покойников. С финансовой точки зрения лишние пятнадцать евро были кстати: жена сидела на пособии по безработице и ребенок был еще слишком мал, чтобы она могла выйти на работу.

Он с особой тщательностью коротко подстриг ногти Маргарите и, пока в прозрачных трубках продолжала течь жидкость, нанес на руки умершей увлажняющий крем. Он снял с правой руки перчатку, мягко провел тыльной стороной ладони по морщинистому лбу женщины и, как ни странно, не почувствовал

трупного окоченения. Он так хотел бы познакомиться с ней, как и с остальными своими подопечными. Просто немного побеседовать, улыбнуться друг другу или, быть может, выпить чашечку кофе. По крайней мере, представиться ей: «Привет, я Давид. А вы?»

Сколько их прошло через его руки, и ни с кем из них он не был знаком. Он занимался бальзамированием. «Бальзамировщик», или еще хуже — «трупорез».

Прежде чем зашить тело, он ввел дополнительную дозу раствора для консервации.

Наносить грим его научила Кэти, жена, а не учителя. «Искусство превращения лица в белую маску!» — пошутила она в первый раз, когда Давид тренировался на ней перед финальным тестированием. Впоследствии он сделал грим своей визитной карточкой. Нанести тон, припудрить скулы, придать губам их естественный цвет... Выложиться по полной. Потому что если родным и запомнится образ Маргариты, то это будет ее последний образ. Покойно спящей пожилой дамы.

Давид открыл окно. Комнату заполнил ледяной воздух. Ночь отступала, улицы затягивало туманом, что предвещало хмурый день. «Без смертей точно не обойдется», — подумал он и вздохнул. Больше всего он не любил скончавшихся от ран и покойников после вскрытия. Он ненавидел собирать пазлы. И потом — как смотреть в остекленевшие и удивленные глаза изрезанного ребенка?

Любовь и ненависть к работе. Грустный антагонизм.

Давид закрыл окно и бросил взгляд на часы. Уже больше восьми, а Кэти еще не звонила. Может быть, сегодня утром писем не приходило.

Уже почти месяц они неизменно обнаруживали в своем почтовом ящике анонимные письма — «Давиду & Кэти Миллер». Он не мог отвлечься и перестать думать об этом.

Он собрал инструменты и емкости с органическими отходами, сложил все в два алюминиевых чемодана. Запах формалина, казавшийся для непосвященных ужасной вонью, немного рассеялся. Маргарита сжимала в сложенных на груди руках деревянные четки, она казалась умиротворенной, на ней было ее самое элегантное платье. Она была прекрасна, как статуя. Теперь ее дочь могла войти.

— Я должен еще волосы уложить, но вы можете сделать это сами, если желаете, — прошептал он деликатно.

Женщина запахнула кофту и чуть отступила. Потом подошла к матери. Давид увидел, что, несмотря на слезы, в глазах ее блеснуло облегчение, значит он хорошо поработал. Он предпочел бы благодарность, выраженную в денежном эквиваленте, но вполне довольствовался и словом, взглядом, полуулыбкой. И потом, деньги — в такой момент... Надо уметь сохранять достоинство... профессионализм...

— Как будто заснула, — прошептала она наконец, беря в руки щетку для волос.

Давид наклонился, чтобы помочь ей. Вначале всегда надо было чуть направлять. Подойти к покойни-

ку не всегда просто, еще сложнее дотронуться до него. Потом женщина наловчилась. Последняя встреча матери и дочери. Быть может, самые интимные и волнительные мгновения за всю жизнь.

Выйдя на улицу, Давид вытащил телефон, чтобы позвонить Кэти. Он хотел знать, что еще выдумала Мисс Хайд в своем очередном письме. Прислала билет в театр, чтобы он отправился на спектакль и «думал о ней»? Или фотографию заката, «места, куда они поедут вместе»? Или, как происходило чаще всего, просто угрожала?

Однако он взял себя в руки. Упоминать об этих письмах значило лишь снова подлить масла в огонь. В последнее время Кэти была на взводе, будто наэлектризованная, такая близкая и одновременно далекая. Всякий раз, когда он пытался обнять ее, она уклонялась от его объятий. Сколько они уже не занимались любовью?

Если хорошенько подумать, может быть, все же стоило обратиться в полицию. Чтобы вскрыть нарыв.

На данный момент Мисс Хайд его не пугала. Честно говоря, она никогда его не пугала, скорее интриговала. Она выражалась с элегантностью, отчего казалась ему женщиной зрелой, но в ее словах то и дело проскакивал юношеский максимализм. Она никогда не говорила о себе, только о них. Странное создание. В любом случае интересный персонаж для романа.

Давид поднял воротник зимней куртки, спрятал лицо в шарф и шагнул в густой туман. Давненько он

уже не бродил по этим местам Девятнадцатого округа, по мощеным улочкам Бют-Борегар среди низких домов, крыши которых застилал туман. Интересное место для следующего триллера, как знать? Земля с кровавой историей, изрытая подземными ходами. На крутых улочках ни души. Да, а мысль не такая уж дурацкая. Километры туннелей, заканчивающиеся в каменоломне. Там легко спрятать логово какого-нибудь психопата, скрыть ужасные жестокости. Непочатый край работы для его персонажа, полицейского Джека Фроста.

Ибо Давид писал. Когда не зашивал трупы, когда не спал, когда не падал от усталости, он писал.

В конце улицы Компан он остановился, поставив два больших алюминиевых чемодана на мостовую, чтобы отдышаться. По-видимому, ему не хватало тренированности. Столько лет в теннис играл, а теперь дошел до того, что времени не остается даже, чтобы побегать полчаса в неделю...

К счастью, на фигуре это не очень отразилось. В свои тридцать лет Давид имел сложение подростка, его глаза и волосы не потеряли темного блеска, зубы были в хорошем состоянии. Но на высоком лбу уже залегли первые морщины, о которых он, впрочем, совершенно не думал. Все там будем, каким бы кремом ни пользовались. И знал он об этом лучше, чем кто-либо.

Он заметил ее на углу, когда собрался идти дальше. Огромную «БМВ» с затемненными стеклами.

Его словно горячей волной окатило. Это не могло быть совпадением... Давид не сомневался, что уже